

нія, а тѣмъ болѣе къ свободной, индивидуальной, вдохновенной композиціи, задачи которой, собственно говоря, нѣ въѣдѣнія школы. На этомъ обстоятельства основана трагедія въ жизни множества молодыхъ музыкантовъ, на немъ же—грустное, ложное положеніе консерваторій у насъ и за границей. Ежегодно отъ древа жизни и искусства, какъ сухіе листья, отпадаютъ несчастные, нѣкогда поощренные и ободренные, потомъ обманувшіеся въ ожиданіяхъ, постепенно доведенные до сознанія своего безсилія или внезапно пораженные громовымъ приговоромъ. Не многимъ удастся найти утѣшеніе въ перемѣнѣ рода дѣятельности, въ новой профессіи, иногда самой далекой отъ искусства; большинство принуждено остаться въ когтяхъ беззощадной иронической мачихи и явить собою всю лѣтвицу переходовъ отъ кроткаго, безмолвнаго терпѣнія и жорѣнія въ самыхъ низменныхъ сферахъ искусства до холоднаго или горячаго бѣшенства, до безобразій ненасытной злобы и зависти къ счастливымъ, одареннымъ способностью къ композиціи, способностью къ музыкѣ вообще, слухомъ превосходнымъ, среднимъ или даже мало-мальскимъ. Читатель видитъ что я мѣчу на М. М. Иванова, что вся эта классификація имѣетъ какое-то отношеніе къ оцѣнкѣ его новаго труда. Соответствуетъ ли г. Ивановъ этому послѣднему и для многихъ важнѣшему условію, нужному въ наукѣ, необходимому въ искусствѣ? Есть ли у него талантъ или нѣтъ?

Вотъ поворотная точка моей сегодняшней рѣчи. Тою мыслію, которую я хочу высказать теперь, будетъ дер-

жаться все мое разсужденіе; если она не вѣрна, то и вся статья не годится. У г. Иванова нѣтъ слуха, кромѣ самаго низменнаго. Онъ отъ природы, вѣроятно, слышитъ фальшивыя ноты; въ мелодіи ему знакомой онъ можетъ быть даже способенъ указать какъ исправить ошибку. Въ мелодіи для него новой—едвали. Въ гармоніи—навѣрное нѣтъ. То-есть, навѣрное не можетъ исправить ошибки, а я такъ полагаю что—и услышать ее. Итакъ, между учениками консерваторій, какъ я ее сейчасъ представлялъ въ идеальномъ, такъ—сказать, вертикальномъ разрѣзѣ, онъ принадлежалъ бы не то къ 64—65 ко второй сотнѣ, не то къ 20—30 въ той же второй сотнѣ, стало-быть, въ лучшемъ случаѣ къ двумъ или тремъ тысячамъ изъ десяти тысячъ; причислить его къ болѣе цѣнному, отборному отряду въ этомъ большомъ стадѣ, къ пяти, шести стамъ изъ десяти тысячъ, нѣтъ никакого основанія; этому препятствуетъ свойство его печатныхъ сочиненій, метода его дирижерства, и даже многіе его сужденія въ печати (тамъ гдѣ онъ не опирается на книжки и статьи, иначе сказать на труды и таланты своихъ коллегъ, знакомство же съ этими трудами у него растетъ съ каждымъ годомъ).

Казалось бы, что въ такомъ артактѣ любопытнаго? И даже такъ: что въ такомъ дѣятелѣ почтеннаго? А между тѣмъ огромное множество людей считаетъ его дѣтелемъ почтеннымъ, нѣкоторые увѣряютъ что онъ талантъ. На мою долю выпало открыть что онъ—любопытное явленіе. Я объявляю что онъ страшно любопытенъ, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ, говоря метафорически, пожираю его

глазами. Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ я съ однимъ своимъ другомъ, нынѣ умершимъ, проигралъ въ чептыре руки увертюру къ *Саванароллѣ* и нѣчто изъ *Кузнецика-Музыканта*. Я почувствовалъ какъ бы уваженіе къ невѣроятной терпкости и энергіи его, о которой я говорилъ выше, и которой теперь увидѣлъ самыя вѣскія доказательства. Сочинить подобную музыку нельзя было безъ суровой рѣшимости, безъ нетребовательнаго слуха; прочитывая ее по многу разъ (какъ дѣлаетъ большинство) нужно было ее слушать, что требовало прочной, выносливой натуры. Съ тѣхъ поръ онъ былъ мнѣ просто жалокъ какъ плохой рецензентъ: я его, признаюсь, смѣшивалъ съ покойными Галлеромъ и Зиновьевымъ, мнямая солидарность съ которыми, какъ я теперь давно уже раскусилъ, вводила меня, и не одного меня, въ заблужденіе. А когда я увидѣлъ его въ Московскомъ Филармоническомъ Обществѣ дирижирующимъ, къ этому уваженію присоединилась *симпатія*, о причинахъ которой я говорилъ при другомъ случаѣ и въ другомъ мѣстѣ. Онъ понравился мнѣ своею нервною, робостію, милою застѣвчивостію, сутулою фигурой; самая недовольность его, возбуждавшая улыбку, какъ-то располагала въ его пользу: словно я видѣлъ передъ собою одно изъ „симпатичныхъ лицъ“ Диккенса, идеальныя стремленія и чистота души которыхъ приправлены нѣкоторыми забавными виѣшностями. Затѣмъ наступила долгая пауза. Я сталъ замѣчать что онъ дѣлаетъ медленные и несомнѣнные успѣхи въ искусствѣ писать музыкальныя рецензіи, успѣхи по исторіи музыки и

особенно по русскому языку. Онъ не былъ юношей. Онъ какъ бы началъ учиться черезъ десять слыхомъ лѣтъ послѣ того какъ началъ писать. Я насторожился, болѣе и болѣе поправляя свое первое впечатлѣніе. Опущу нѣсколько промежуточныхъ фазисовъ и скажу что въ одинъ изъ недавнихъ сезоновъ, Великимъ постомъ, я имѣлъ честь видѣть партитуру *Забавы Путятинны* и слышать ее исполненную самимъ авторомъ, а нынѣшнею весной, въ понедѣльникъ, 27 марта, былъ на первомъ ея представленіи. То „любопытное“ что я давно замѣтилъ въ композиторѣ, для меня теперь стало вдвое, внятеро, въ двадцать пять разъ любопытнѣйшимъ.

Г. Ивановъ, не имѣя слуха при рожденіи, не имѣетъ его и теперь. Онъ не имѣетъ также и музыкальныхъ знаній: техника даже у очень бездарныхъ людей все-таки въ извѣстномъ родѣ можетъ быть хороша, можетъ даже придать обманчивое подобіе нѣкоторой тѣни таланта, конечно, ненадолго и въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ. *Забавы Путятинны* не имѣетъ этой обманчивой личины. Въ этомъ отношеніи она походитъ на прежніе труды г. Иванова, отъ которыхъ рѣзко отличается направленіемъ. Въ тѣхъ—восторженный культъ Берліоза и подчасъ довольно наивныя изъ него заимствованія (не плагіаты, а опять-таки техническія погрѣшности отъ неумѣнія подойти близко къ ямъ и не упасть въ нее). Въ *Забавѣ*—амальгама изъ „рускаго“ Сырова, Веретовскаго, Россіани (*Отелло*) и новѣйшей французятинны, преимущественно разбавленнаго и удешевленнаго Массенѣ. Я не говорю

что всѣ эти ингредиенты обнаруживаются въ сыромъ видѣ, чтобы можно было показывать, гдѣ именно взято и сколько тактовъ. Такихъ наивныхъ заимствованій я не замѣтилъ. И такъ, направленіе ново, но техника старая: дѣло попрежнему ведется на чистоту, безъ всякой поддѣльной учености. Слуха все-таки не видно никакого. А есть нѣчто высокое и сильное помимо всякаго слуха, помимо всякаго таланта, я чуть было не сказалъ помимо всякой музыки, всякаго вообще искусства. И это высокое, это сильное—честолюбіе. Какъ ни плохо все что вы слышите, но писалъ человѣкъ недоужинный. Я сказалъ бы то же самое про автора *Паяцовъ*, Леонкавалло. У Леонкавалло поэтическая дѣла, знаніе быта, сценической гени, музыки—никакой. У г. Иванова гораздо меньше поэзіи; знаніе быта въ шуточной оперѣ изъ эпохи былинъ едва ли требуется: мы въ царствѣ произвола; вмѣсто сценическаго гениа, оригинальнаго и вызывающаго школу, ловкое подражательство, знаніе образцовъ, а музыки все-таки никакой. Люди они оба недоужинные, только одинъ началъ съ *Паяцовъ* и съ тѣхъ поръ скатывается внизъ, другой дотянулъ до чего-то отчасти похожаго на *Паяцовъ* и обѣщаетъ еще ползѣть въ гору.

Да еще какъ въ гору? Въ первомъ дѣйствіи, въ ансамблѣ *fortissimo*, я услышалъ рядъ аккордовъ на нисходящемъ басѣ, которые мнѣ показались ничего себѣ. Каково? Нѣтъ ли тутъ ошибки въ листѣ? Не поправлялъ ли гармонію какой-нибудь знакомый, пріятель, родственникъ? Далѣе имѣется комическое фугато, или, по крайней мѣрѣ, начало такового.